

ПО
СЛЕДАМ
ГРОМКИХ
ДЕЛ

**Читайте романы ТАТЬЯНЫ СТЕПАНОВОЙ –
КЛАССИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ,
написанные по всем законам жанра:**

В моей руке – гибель

Звезда на одну роль

Венчание со страхом

Прощание с кошмаром

Темный инстинкт

Все оттенки черного

Зеркало для невидимки

Врата ночи

На randevу с тенью

Улыбка химеры

Готическая коллекция

Ключ от миража

29 отравленных принцев

Флердоранж – аромат траура

Молчание сфинкса

Родео для прекрасных дам

Дамоклов меч над звездным тронem

Рейтинг темного божества

Прощай, Византия!

Сон над бездной

Царство Флоры

Предсказание – End

Драконы ночи

Black & Red

Пир на закате солнца

Три богини судьбы

ДНК неземной любви

Душа-потемки

Тот, кто придет за тобой

Демоны без ангелов

Валькирия в черном

Когда боги закрывают глаза

Девять воплощений кошки

Яд-шоколад

Невеста вечности

Колесница времени

Падший ангел за левым плечом

Призрак Безымянного переулкa

Пейзаж с чудовищем

Грехи и мифы Патриарших прудов

Созвездие Хаоса

Часы, идущие назад

Светлый путь в никуда

Умру вместе с тобой

Циклоп и нимфа

Последняя истина, последняя страсть

Перекресток трех дорог

Имеющий уши, да услышит

Великая иллюзия

Коридор затмений

Мойры сплели свои нити

Корень зла среди трав

Храм Темного предка

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Врата ноци

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *С. Курбатова*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Степанова, Татьяна Юрьевна.
С79 Врата ночи / Татьяна Степанова. — Москва :
Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-204335-2

Скованные наручниками кисти рук — единственное, что оставляет оперативникам этот серийный убийца. У начальника «убойного отдела» Никиты Колосова нет никаких улик, чтобы очертить круг подозреваемых. Нет зацепок и у Кати Петровской, сотрудницы пресс-центра УВД, но она чувствует, что преступник совсем рядом: он покушается на жизнь ее мужа, звонит их другу Сергею Мешерскому. Катя уверена, что она где-то встречалась с этим монстром, а возможно, встречается и сейчас. Он словно дразнит своих преследователей, неотвратно приближаясь к ним, но по-прежнему остается невидимкой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-204335-2

© Степанова Т. Ю., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Только тайна помогает жить. Только тайна.

Гарсиа Лорка

Пролог

ЗАТМЕНИЕ

На рыночной площади, переполненной народом, было очень тихо. Почти все население небольшого южного городка стеклось сюда и замерло в напряженном, тревожном ожидании.

Человек огляделся по сторонам. Он сошел с поезда на этом захолустном пограничном полустанке, затерянном в молдавской степи, ровно три часа назад — ранним июльским утром. Никто его здесь не встречал и не ждал. Он не знал здесь ни единой души. Он был чужаком в этом городке. Он был один среди них в этот великий день.

Один как перст.

О том, что с ним произойдет в этот незабываемый день что-то чрезвычайно важное, он знал давно. Последние годы он жил предчувствием ЭТОГО. Он знал: это должно было случиться. Но как именно это будет происходить — для него пока было тайной. И отчаянный страх в его сердце боролся со жгучим любопытством — скорее, скорее же! Скорее бы это началось. И... кончилось. И он стал бы тем, кем ему суждено было стать.

Где-то далеко за железной дорогой раздался вой полицейской сирены. По толпе волной прошел глухой ропот. Человек прислушался — молдавская, украинская, русская, румынская речь. Слов он не понимал, да и не слушал. К чему слова? Он и так знал, что сейчас творится с ними, этими незнакомыми ему, чужими людьми. Сердцем, нутром чуял их нетерпение, тоскливую тревогу и тот затаившийся на самом дне их

душ липкий ужас, который терзал и его самого, — ужас предчувствия чего-то грозного, неумолимого, загадочного, темного.

Но ведь он всегда знал, что во время полного затмения увидит одну только тьму.

Он приехал сюда издалека в переполненном мешочниками и челноками грязном поезде, минуя границы и таможни. Приехал только за одним — увидеть, стать свидетелем великого полного солнечного затмения, последнего затмения тысячелетия. Потому что именно в этом городе на самой границе Молдовы и Румынии наблюдать его было можно во всем ужасающем великолепии.

Он знал, что увидит только тьму. И был готов к этому. Тысячи глаз неотрывно следили за чистым и безоблачным небом. А потом стало казаться, что свет меркнет, как будто на солнце со всех сторон наступают грозные тучи. Но туч не было — горизонт оставался пуст. А полуденный свет гас, гас, и вот уже край солнечного диска начал темнеть, наливаясь пугающей, багровой чернотой.

Уголь в небесном костре. Зола.

Люди, сгрудившиеся, точно напуганное стадо, притихли. Смотрели на небо. Каждый, кто как мог, старался уберечь глаза. В ход пошло все — темные очки, закопченные стекла, осколки витражей, засвеченная пленка. И только один человек, чужак, смотрел на солнце так, словно не боялся ослепнуть. Смотрел жадно, как будто видел его в последний раз в жизни.

Черная, черная тень... Гигантские крылья. Непроницаемые. Чудовищные. Смердные. Он чувствовал их тень у себя на лице.

По толпе прошел вздох — последний багровый луч угас, умер. Секунду еще черный диск солнца мерцал тревожно и беспомощно. А потом стало темно. На площади не зажглись фонари. Только невыключенная мигалка подъехавшей полицейской машины освещала лица людей синими рваными сполохами, отчего лица напоминали лики умерших.

Человек почувствовал — ему трудно дышать. Все сильнее что-то сдавливало грудь, горло. Шорох осыпающейся земли... Черной, растревоженной, пропи-

танной илом, плодородной, древней, нездешней... Слой за слоем...

Он видел, он отчетливо видел это: из свежевскопанной рыхлой земли, раздвигая влажные слипшиеся комья, медленно выползала, выпрастывалась человеческая рука. Комья земли падали с глухим стуком, словно град, — засыпали, хоронили руку. Но она появлялась снова и снова. Смуглые грязные пальцы судорожно царапали землю. Он видел это: рука была живая. Ее украшал грубый золотой браслет с бирюзой. Владелец браслета, похороненный заживо, никак не хотел умирать. И все пытался выбраться наружу, жаждал жить, дышать... Но крик, рвущийся изо рта, забитого землей, не был слышен здесь, наверху. И только эта рука, пробивающаяся сквозь могильную толщу...

Человек зажал уши. Крики — дикие, мучительные, исполненные смертельного отчаяния и муки. Он слышал их по ночам. Голоса мертвых...

Он знал, как они умирали. Помнил. Память жила с ним всегда, жила в самых глубоких тайниках сердца, в недрах мучивших его страшных причудливых снов. При пробуждении он помнил их так ясно, словно все это было когда-то пережитой явью.

Он знал: их одного за другим заставляли спускаться в глубокую шахту, выложенную кирпичами из обожженной речной глины. А потом засыпали толстым слоем земли. Накрепко утрамбовывали площадку. Затем приводили других, и все повторялось. Раз за разом. Слой за слоем черной, вскормленной илом, плодородной, древней, священной земли. Вкус ее он до сих пор ощущал у себя во рту.

Это она душила его, не давая дышать. Земля... Нет, черная змея, вползающая в глотку... Темнота... Он чувствовал — еще секунда, и сердце его, лишённое воздуха, разорвется. И если это то самое, что и должно было произойти с ним во время великого затмения, о чем он думал, мечтал, чего ждал так неистово и жадно.... СМЕРТЬ... Это его смерть?! Значит, вот какая она, но... но как же это? Как же так?! Он не хотел, не хотел умирать, жаждал жить, во что бы то ни стало жить. Любой ценой, даже...

Смутный гул. Темнота всколыхнулась, как черное

бархатное покрывало. И медленно-медленно, словно бы нехотя, начала рассеиваться. Из пока еще невидимой во мраке степи, некогда нагретой полуденным щедрым солнцем, так внезапно угасшим ныне, повеяло горячим ветром. Потом наступило мгновение абсолютной глубокой тишины. Гнетущего безмолвия. А потом... У всех собравшихся на площади людей появилось одинаковое чувство: вот сейчас, сейчас это произойдет. Сейчас они увидят рассвет. Восход, новое рождение солнца в совершенно неурочное время — в час двадцать семь минут пополудни.

На черном небе появился узкий багровый серпик. И вот он стал золотым.

Он почувствовал, как кто-то тормозит его за плечо. Он сидел на пустом ящике у рыночного прилавка. И все было позади. Над городком сияло солнце. Полная черноглазая женщина в ситцевом сарафане что-то тревожно говорила ему — сначала по-молдавски, затем на ломаном русском. Он понял с трудом: «Вам плохо?»

Он покачал головой. Женщина бойко затараторила, тыкая рукой куда-то вверх, в небо. У прилавка хлопотал парень лет девятнадцати в камуфляжных брюках и черной майке — смуглый, гибкий, кудрявый, похожий на цыгана. Он подносил ящики с зеленью. Почувствовав взгляд незнакомца, улыбнулся, поежился, передернул плечами, тоже кивнул вверх, словно показывая, что и ему было очень не по себе во время затмения.

Человек поднялся. Ноги, как прежде, крепко держали его. Слабость прошла. Теперь он чувствовал, что все встало на свои места и одновременно изменилось уже безвозвратно. Он посмотрел на солнце — оно было прежним. Лишь краешек его все еще купался в черной тени. Затмение кончилось.

В пожухлой траве городского сквера неистово стрекотали цикады.

Девять месяцев спустя. 12 марта

Яркая иллюминация мигала в ночи — точно дразнила. Зазывала стукнуть в крепкую дубовую дверь,

распахнуть ее по-хозяйски, сбежать крутой каменной лесенкой вниз, в этот сводчатый уютный подвал большого старого дома, где с незапамятных времен гнезился пивбар «Москва—Петушки». Сюда стекались все, кто не любил коротать вечера «на сухую». Бар слыл вполне демократичным. И хоть у его дверей время от времени и появлялись роскошные иномарки последних моделей, на ценах это почти не отражалось. В районе Курского вокзала и Сыромятниковской набережной не было заведения популярнее «Москвы—Петушков».

Но тот вечер стал грустным исключением из правил. Все как-то сразу пошло наперекосяк. А в результате Костюху Бородаева рвали на части, словно хищные тигры, самые противоречивые чувства. Здравый смысл и врожденная осторожность предупреждали: брось, не связывайся, уйди в сторону. А молодая буйная кровь обжигающей волной била в виски: и-эх, был бы автомат, как в армии, взял бы их всех тут, сук рваных, да ка-ак...

Для того чтобы скоротать, как белый человек, вечерок в популярном баре, Костюха Бородаев, которого все вечно звали Борода, хотя он никогда не носил ни бороды, ни усов, вкальвал три недели, по его словам, «как каторжный». Каждый день поднимался в половине пятого утра и на первой электричке пилил из родной подмосковной Салтыковки на Курский вокзал. А затем до позднего вечера мотался по поездкам. В объемистой полосатой сумке, что таскал он из вагона в вагон, как верблюд свой постылый горб, чего только не было! Бритвенные лезвия, батарейки, пачки с памперсами и женскими прокладками, наборы инструментов, зонты, дождевики, фонарики, колготки, самоклеящиеся обои, пакеты для мусора. И в каждом вагоне повторялся один и тот же ритуал: петушиным сорванным тенорком Костюха Бородаев извинялся перед пассажирами за беспокойство, желал всем доброго (самого доброго!!!) пути, а затем уже из кожи вон лез, чтобы впарить им что-нибудь из своего товара, то, что им в данный момент совершенно не было нужно, — пластмассовую затычку для раковины или антиблошиный собачий ошейник. «Потом вдруг да приго-

дится — купите сейчас! Вы ж на цену гляньте — в три раза дешевле, чем на лотках!»

И вот после всех этих трудов Костюха решил встряхнуться. И в самом деле, сколько можно вкалывать, пупок надрывать? Двужильный он, что ли, в натуре? В бар в Москву он планировал пригласить с собой Люську Еремину. Они учились в одной школе в Салтыковке и до армии крепко гуляли. И после армии Люська к нему тянулась. А он и не уклонялся. Но с приглашением не вышло. Люська в субботу работала. Бородаев не очень-то и расстроился — без баб лучше, расходов меньше. А дать Люська ему и так всегда согласная, была бы хата, где можно трахаться без помех.

В «Петушки» он явился в самый разгар, к половине девятого. Начал заправляться у стойки. Посидел на высоком кожаном табурете, поболтал ногой, то и дело косясь в зеркало над стойкой, сам себе ужасно нравясь в его отражении. Пил, священнодействуя, не торопясь, со вкусом. Старался растянуть удовольствие. Оно, конечно, и деньги немалые, если еще и с закуской...

Пузырь пива в ларьке на Курском купить, конечно, в сто раз дешевле. Но это ж грязь, антисанитария — из горла, на обледенелой платформе. А тут... Тихо, культурно, престижно. Отутюженный бармен, приглушенная музыка, разноцветные бутылки над стойкой, аромат дорогих сигарет, коктейли, текила, соль и лимоны к ней, а девочки... ешкин корень!

Европа!

Повторить по пятой он заказал уже в отдельную кабинку за столик. Взял и горячей закуски. Но насладиться под завязку не удалось. Около половины одиннадцатого в бар вошли четверо плечистых молодцов в черных, до пят кашемировых пальто, в белых кашне, белых носках и лаковых штиблетах. По тому, как засуетился бармен, стало ясно: гости — люди в «Петушках» известные, хоть и неожиданные. Один из новоприбывших пошептался с барменом, и у того как-то сразу вдруг поскущнело, вытянулось холеное лицо. А потом Бородаев из своей кабинки узрел, как компания напротив, только-только вполне раскрепостившаяся за своим столиком, вдруг спешно поднялась и рысью за-

торопилась к выходу. Молодцы в пальто начали обходить столики. Шума, гама никакого не возникало. Но посетители исчезали один за другим, как по волшебству. Бармен, словно ничего не замечая, суетился у стойки. «Петушки» пустели прямо на глазах. Бородаев, хоть и был уже хорош, смекнул, что это расчищается посадочная площадка для какой-то крутой и необщительной компании, предпочитающей отдыхать своим тесным кругом, без посторонних.

И вот пальто нависли и над его столиком.

— Гуд бай, — лаконично изрек крепкий гонитель. — Прощевайте.

— А в чем дело? — Костюха Бородаев стиснул в руке недопитый бокал — тонкое, стильное европейское стекло, емкость для коктейля.

— Проваливай отсюда.

Еще с армии у Костюхи было остро развито чувство справедливости. И самые противоречивые желания закипели в его душе: лучше уйти, смотаться от греха и... эх, взять бы «калашник» да ка-ак их тут всех...

— А ты кто такой, чтобы тут распоряжаться? — бросил он гонителю. — Кто ты такой? А ну давай выйдем. Один на один! А там поглядим, там разбере...

— Выйдем, — покладисто и как-то даже весело согласились пальто и белые носки. И...

Такого паскудства, такого унижения Бородаев еще не переживал. Его ухватили за шиворот, подняли как перышко и поволокли к двери. Он отбивался, пинал обидчика ногами, пихал кулаками, а его волокли. Он упал на колени, а его волокли, провезя новыми серыми, купленными на Черкизовском рынке брюками по истоптанному полу. Он пересчитал все двенадцать холодных гранитных ступенек по лестнице коленками и ребрами. А потом мощным пинком его выбросили на обледенелый тротуар.

Стоял тихий морозный мартовский вечер. На Сыромятниковской набережной не было ни души. И некому заступиться, некому пожаловаться на боль в ребрах и на произвол.

Бородаев, кряхтя, поднялся. Ноги запутались в чем-то мягком — вслед выбросили его куртку. Он

надел ее, пошарил в кармане — шерстяной шапки не было. Пропала шапка, эх...

Где-то за безмолвными громадами домов не спал, шумел в ночи родной Курский вокзал. И ничего более не оставалось, как плестись на электричку. Бородаев едва не заплакал. Прислонился к стене. Тело глухо ныло. А в голове шумел хмель и плавали какие-то пузыри — они лопались, опадали, вздувались снова.

— За что это тебя так? — услышал он позади негромкий голос. Говоривший курил сигарету. Откуда он взялся на пустынной набережной, Костюха Бородаев не видел.

— С-сволочи... П-падлы... Убью гадов, спалю... Вернусь и спалю к чертям...

Незнакомец протянул ему сигарету. Костюха взял. Внутри все так и клокотало. И хуже смерти казалась перспектива вот такому — униженному, избитому, грязному — на электричку и домой, не солоно хлебавши.

— Не в свой курятник забрел? — усмехнулся незнакомец. — Морду тебе расквасили, эвон кровь-то... Йодом надо или спиртом. Ну, можно и водкой...

— На вокзале... Там круглосуточно торгуют. — Бородаев не назвал, чем торгуют. Незнакомец и так все понял. Что непонятного-то?

— Эх ты, чучело, идем со мной, в ногах правды нет, — голос незнакомца был лениво-добродушным. — Подвезу. Не бросать же тебя тут. А то на рожон полезешь, знаю я вас, дураков молодых. А с этими, — он небрежно кивнул на дверь «Москвы—Петушков», — разговаривать надо по-другому.

Костюха послушно поплелся за незнакомцем. Ему было все равно, что делать, куда идти, как скоротать остаток этой сволочной ночи, — лишь бы подальше отсюда и лишь бы не домой.

Машина стояла через два дома в темной арке. Что за машина, Костюха не понял — тьма ж! Незнакомец отключил сигнализацию, открыл дверь. Костюха бесильно плюхнулся на мягкое сиденье. Увидел в зеркало свое разбитое лицо.

По Минскому шоссе ехал тяжело груженный трейлер. Водитель поправил зеркало, глянул на часы, включил радио. Громко пропикало: «Московское время семь часов. Передаем последние новости к этому часу». Водитель зевнул, покосился на молодого напарника, крепко спавшего на пассажирском сиденье. Ишь дрыхнет, и радио его не берет.

Ехали они без остановок и ночевки, менялись через каждые шесть часов. Ночью было особенно тяжело. От сто двадцать второго километра не шоссе — каток. Подморозило ночью крепко.

— Давай вставай, — начал он будить напарника. — Время меняться. К Москве подъезжаем, парень.

Они остановились на обочине. Дорога была еще по-утреннему пустой. Напарник спрыгнул на снег. Метнулся за прицеп, за колесо. Водитель тоже вышел, потягиваясь, разминая одеревеневшее от долгого сидения за рулем тело.

— А холодно, — сказал он. — Вот тебе и весна. Марток знать дает.

— Слушай, пойдика сюда, — позвал напарник. — Иди скорее!

Что-то в голосе парня встревожило — водитель быстро обогнул трейлер.

— Глянь-ка, чегой-то там? Вон там... — Напарник, оперев руки в колени, наклонился к подтаявшему сугробу у обочины.

В утренних пепельных сумерках при тусклом свете фонарей водитель с трудом разглядел что-то темное на снегу. Он тоже наклонился. Услышал, как приглушенно ахнул напарник, и сначала подумал: что за черт, мерещится. Но нет. На сугробе было полно темно-бурых потеков. А в снегу прямо перед ними...

Напарник с испуганным криком попятился и побежал к трейлеру, водитель не верил глазам своим: на снегу, пропитанном чем-то бурым, валялась отрубленная человеческая кисть. Вторая отрубленная кисть лежала невдалеке. Водитель едва не наступил на нее. Дико отшатнулся, чуть не упал.

Раздался истошный гудок. Напарник в кабине заполошно давил на сигнал, привлекая внимание мчащихся по «Минке» машин.

ДЕНЬ, КОТОРЫЙ ХОЧЕТСЯ ЗАБЫТЬ

Четыре месяца спустя. 5 июня

Бывают дни, которые лучше забыть. Катя пыталась внушить это Сергею Мещерскому, но безуспешно. Сама она была окончательно сбита с толку. Ведь такого странного происшествия в этот день первой недели долгожданного лета вроде бы ничего не предвещало. Порой ей казалось: да полно, было ли это? Не померещилось ли все это Сереге? Ведь никто, кроме Мещерского, не видел этого, а там, кроме него, были десятки людей.

Однако все по порядку. Екатерина Сергеевна Петровская, в замужестве Екатерина Кравченко, криминальный обозреватель Пресс-центра ГУВД Московской области, чувствовала, что не будет толка в правильном истолковании жуткой и на первый взгляд вроде бы совершенно неправдоподобной истории, рассказанной ей старинным приятелем мужа Сергеем Мещерским, без того, чтобы не разложить все по полочкам с самого начала.

Итак, с чего же все началось? Катя склонна была считать — со звонка в дверь их квартиры в половине второго ночи. Но и этому неурочному звонку и появлению на пороге мужа — Вадима Кравченко, доставившего к ним домой возбужденного, близкого к настоящей истерике Сережку Мещерского, тоже предшествовали некоторые события.

День 5 июня начался и продолжался для нее весьма приятно. Отпросившись пораньше с работы, она как на крыльях полетела к своей заветной мечте — накануне она записалась в модную парикмахерскую на Арбате. Ведь к лету так хотелось иметь на голове что-нибудь этакое, сногшибательное, убийственно-грандиозное. Переменить кардинально все — стиль, прическу, цвет волос. Стать неузнаваемо-прекрасной. Или на крайний случай просто неузнаваемой. Сладко было мечтать о том, как миллиметр за миллиметром она будет скрупулезно изучать свою внешность, подбирая с помощью опытного визажиста на компьютере

(!) прически и стрижки, формируя свой новый виртуальный имидж, а затем увидит его воплощенным, отраженным в сияющих зеркалах — настоящее произведение парикмахерского искусства, средоточие грез.

В результате все время до назначенного по записи часа она провела как на иголках. И, наверное, раз сорок за утро разглядывала себя в зеркало в шкафу в родном кабинете, радуясь при этом сама не зная чему.

Три часа, проведенные в салоне красоты, не разочаровали. Наоборот, компьютер старательно моделировал виртуальные облики, меняя все словно по мановению волшебной палочки, и Катя всякий раз нравилась себе ну просто ужасно. Ее бы воля — она бы испробовала все сразу — от радикально-изысканного мелирования до переливчатой радуги «американ калорс». Однако остатки здравого смысла удержали ее от эпатазирующих крайностей, заставили прислушаться к советам мастера. А в результате...

Видели вы розу, фиалку, лилию, тюльпан на роскошной клумбе ранним росистым утром, когда солнце только-только золотит верхушки деревьев и в парке у реки перекликаются птички? Вот именно в таком настроении покинула Катя чудесный салон — парад и легкомыслие! И такая вселенская радость...

Ее неодолимо влекли к себе витрины магазинов, стекла припаркованных машин, глаза попадавшихся навстречу прохожих мужского пола — все, где она видела отраженным свой новый облик. Сердце просило любви и песен. Катя была готова расцеловать первого встречного, да что там встречного! Первую же липу Пречистенского бульвара, по которому она не шла — летела, едва-едва не пританцовывая на лету от избытка переполнявших ее чувств.

На углу Волхонки она в который уж раз надолго застыла перед витриной обувного магазина, видя там не модельные туфли новой дорогой коллекции, а только себя. Свою новую прическу, свой удивительный стильный макияж (ну всегда теперь буду так краситься!), свой белый летний костюмчик, который сидит классно и ничуть не полнит, как вдруг...

Отраженным в зеркальной поверхности она сначала увидела лишь смутный силуэт. Статная высокая

пожилая женщина остановилась посреди тротуара и начала креститься на сияющий купол храма Христа Спасителя. И вдруг обернулась к Кате.

— Девушка, здравствуйте, пожалуйста, простите за беспокойство...

Катя схватилась за кошелек, но вспомнила, что после посещения французского салона от зарплаты там — рожки и ножки. Сушная мелочовка. Когда старики в метро и в переходах просили робкими голосами милостыню, благословляя и желая счастья, Катю всегда охватывал стыд и... От этого чувства мир буквально обугливался...

Но эта пожилая женщина милостыни не просила. Да и одета она была хоть и старомодно, но совсем не бедно.

— Ради бога, девушка, извините меня. Могу я задать вам один вопрос? Вы... замужем?

— Да, — ответила Катя. И на этом следовало поставить точку. Но она бы не была самой собой, если бы сразу же после запятой не уточнила с любопытством: — А отчего это вас, простите, интересует?

— Да я... — Женщина крайне смутилась. — Не подумайте ничего плохого... Вот шла, увидела вас, подумала, такая симпатичная, милая, нежная... А у меня сын. Постарше вас. Всем вроде хорош. Единственный сын, надежда моя. И зарабатывает прилично. А вот все никак не женится. Всегда один. Я уж так за него переживаю. Пропадает совсем. Гибнет... Вы уж простите, что я так... Не знаю уж, что и делать...

В ее словах было что-то странное. Резкое несоответствие между началом и концом фразы. Можно было бы ответить какой-нибудь добродушной шуткой, мол, увы, не судьба, но... В последних словах незнакомки было нечто такое, что шутка замерла на Катиных губах. И стало как-то неловко, дискомфортно.

— Простите, мой троллейбус, — только и пробормотала Катя. И, уже прошмыгнув в открытые двери, прилипла к окну, ведь не каждый же день вас так откровенно, скоропалительно и вместе с тем трогательно-наивно сватают, оценив все ваши достоинства, что называется, с первого взгляда.

Чудную эту встречу Катя вспоминала еще в течение

двух последующих часов, а потом напрочь позабыла. Не до того! Мысли ее снова замельтешили легкомысленно-радужной мельницей. Она предвкушала, как во всей новообретенной красе, точно Царевна-лягушка, предстанет перед тем, из-за кого, собственно, пришлось в корне пресечь то робкое сватовство. С тем, что прекрасный королевич и муж «Царевны-лягушки» Вадим Андреевич Кравченко, более привычно именуемый на домашнем жаргоне «драгоценным В. А.», вернется в этот день чрезвычайно поздно, Катя в душе смирилась. И высказывать особого недовольства по этому поводу не собиралась. Один раз живем — а тут, как говорится, дело святое.

Вадим Кравченко и его закадычный приятель Сергей Мещерский именно 5 июня были приглашены на официальное и вместе с тем долгожданное мероприятие: встречу однокурсников, посвященную десятилетнюю окончания Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, совпавшую с семидесятилетним юбилеем своего бывшего ректора. Ныне он возглавлял Институт истории и экономики стран Востока. И его юбилей для многочисленных питомцев «Лумумбы», ныне разбросанных по различным ведомствам, госучреждениям, дипломатическим корпусам, торгпредствам, коммерческим структурам и фирмам, явился лишь долгожданным поводом собраться всем вместе, вспомнить студенческие годы, вспомнить былое и со вкусом, с толком, с расстановкой отметить это знаменательное событие.

Короче, Кравченко Катя ожидала домой поздно, все же надеясь на то, что он еще будет в состоянии после «студенческой» пирушки оценить, какая она стала после посещения французской парикмахерской. Но время шло, сумерки сгущались, а Вадька все не приезжал. Наконец, когда Катя уже устала ждать и решила ложиться спать, пискнул домофон. И через минуту, открыв дверь собственным ключом... Представшее перед ее глазами зрелище было одновременно и печальным, и комическим. Но уже через мгновение Кате стало совершенно не до смеха. И легкомысленное настроение как ветром сдуло.

Кравченко был не один. Он притащил с собой Ме-

щерского, причем в таком виде... Мещерского бил озноб. Несмотря на то что на дворе стояла теплая летняя ночь, у него зуб на зуб не попадал, словно его только что искупали в ледяной проруби. От него за версту несло спиртным. Он еле возил языком, бормотал что-то бессвязное, страдальчески хмурясь и отчаянно жестикулируя. Он явно прямо с порога что-то пытался объяснить Кате. Но она различала в этом пьяно-истерическом коктейле эмоций лишь отдельные выкрики, обрывки фраз: «Видеокассета», «Да я видел это, клянусь!», «Ты пойми — я видел, а они не верят!», «Не знаю, куда она потом исчезла. Я хотел всех позвать, показать этот ужас, а она исчезла...»

Транспортировавший ослабевшего приятеля Кравченко был нем и угрюм как могила. От него тоже за версту несло спиртным. Катя заметила: Кравченко, хоть он и пытается это скрыть, тоже чем-то сильно расстроен и встревожен. Он сгрузил Мещерского на кресло. И вроде бы не знал, что делать дальше.

— Что это с вами? — спросила Катя. — Вы откуда такие? Что случилось?

Мещерский вдруг яростно отмахнулся, словно у него перед носом появилась оса, и со стоном ринулся в ванную. Там бешено загудела вода.

Кравченко прогрохотал на кухню, всыпал в кофеварку чуть не полпачки кофе. Катя, прислонившись к притолоке, наблюдала за ним.

— Дурдом, — Кравченко плюхнулся на кухонный угловой диванчик, заскрипевший под его тяжестью. — Отпраздновали, называется.

Дальше Кате пришлось тянуть из него слова буквально клещами. Рассказ вышел какой-то путаный и несуразный. По словам Кравченко, сначала все шло превосходно. Юбилейное чествование бывшего ректора «Лумумбы» проводилось при огромном стечении приглашенных в конференц-зале Института истории и экономики стран Востока. Зал был переполнен. Кроме празднования юбилея, тут встречались и факультеты, и курсы. Торжественная часть закончилась в восемь вечера. И, по словам Кравченко, у собравшихся были самые наполеоновские планы. Юбиляр вместе со «стариками» и гостями из правительства и

академии, Госдумы и самых различных ведомств отбыл на банкет. А «молодежь» — выпускники «Лумумбы» разных лет — тесными курсовыми компаниями группировалась как в конференц-зале (он, по словам Кравченко, располагался на втором этаже), так и внизу — в просторном вестибюле и примыкавшем к нему помещении институтского музея.

Согласно рассказу Кравченко, их с Мещерским курс планировал к девяти перебраться с Большой Пироговки, где находился институт, на Воробьевы горы, в грузинский ресторан, там уже был заказан зал и музыка.

— Ну, ты знаешь, Кать, как на таких вечерах бывает — шум, гам, суета, — рассказывал Кравченко, — ребята сто лет не виделись. Кто где — град вопросов, воспоминаний. Ну, коньячку хлопнули а-ля фуршет, что с собой привезли, за встречу. Там в одном из кабинетов столик был накрыт скромненько. Короче, Серегу я в этой толчее видел только мимоходом. Один раз он ко мне с Мишкой Вороном подошел. Ну, обнялись, поздоровались. Мишка как был на курсе, так и... Эх, годы наши... Ну, в общем, вспомнили былое... Мишка рад был до чертиков, что нас увидел, сказал, что давно уже контакты с Серегой хотел наладить — у него-де фирма туристическая, опыт работы на Ближнем Востоке, а это, мол, то, что им сейчас нужно позарез... Ну тут еще к нам ребята с экономического факультета подвалили — все галдят. Отвлекся я, короче. Минут через десять Мишка Ворон подвел ко мне Серегу и еще каких-то своих двух знакомых — не наши, не с курса, а то ли его компаньоны, то ли сослуживцы — я поначалу не разобрал. Про какой-то фонд они с Серегой толковали культурно-благотворительный, который при каком-то военно-историческом обществе существует, еще что-то про терское и донское казачество, ну, ахинея, короче... Они ректора нашего приехали по поручению этого самого общества поздравлять — у них, мол, с институтом Востока какие-то дела. Один из них — Скуратов его фамилия — визитку Сереге дал, сказал, что хочет обсудить с ним какое-то деловое предложение. Ну, тут я, Катька, опять отвлекся. Меня ребята наши позвали — Кольцов, Юлик Чен,

Платонов. Заболтался я с ними. Серегу не видел. Мишка Ворон мне потом сказал, они — там еще его знакомые из этого общества были — спустились на первый этаж, где народу было поменьше. Там музей. И в одном из залов, ну как это водится на торжествах, видео было включено — ну, памятные кадры, то-се.... Потом... Что же было потом? Дай-ка вспомню. Все уже по машинам начали рассаживаться — пора было на Воробьевку отчаливать. И вдруг откуда ни возьмись Серега — белый как привидение, глазищи бешеные, вцепился в меня, аж трясется весь. Пойдем, орет, ты должен это увидеть сам, иначе мне не поверишь!

Поволок меня из вестибюля в музей. А тут наши гурьбой по лестнице спускаются — в чем дело, спрашивают? Что случилось? А Серега как ненормальный кричит: идемте все со мной, я сейчас через зал шел, а там...

Ну, Кать, ты ж Серегу знаешь. Он от всех этих ископаемых экспонатов оторваться не в силах. А музей институтский первоклассный, там вещи из археологических экспедиций выставлены и вообще разные редкости. Ну, Серега, естественно, не мог туда нос не сунуть. А там в зале видак — я ж говорю. Ну, Сережка и кричит мне: «Я на экран глянул, а там запись какая-то дикая, кошмарная. Убийство заснято! Человека убили — идемте, вы сами должны это увидеть».

Ну что ты скажешь? Пошли мы, конечно. Ввалились всей толпой в зал. Я видак включил — на пленке развалины какие-то. Тут кто-то из музейных сотрудников — они на крик сбежались — поясняет: это, мол, фильм о находках в древнем Уре. Я пленку туда-сюда перемотал — фильм и фильм. Там еще кассет была целая стопка. Мещерский орет: «Я видел, видел, убийство на пленке заснято!» Ну стали мы с ребятами кассеты смотреть. Ничего. Фильмы об институте, о юбиляре, потом какие-то красивые видовые съемки. Ничего такого — река, пустыня.

Тут наши мне тишком: чтой-то, мол, с Серегой? Вроде и за воротник особо не заливал? Мерещится, что ли, уже среди бела дня? Я их успокаивать, а Серега в бутылку полез: «Я этот ужас видел своими глазами,